

АНАСТАСИЯ МУН

亡者無歸

生者亦罪

НИТИ ТОНЪЁН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЛАЯ ПЕТЛЯ • МЁРТВЫЙ УЗЕЛ

18+

Хроники Тёмного Сеула

Анастасия Мун

Нити Тонъёнр

«Автор»

2026

Мун А.

Нити Тонъёнр / А. Мун — «Автор», 2026 — (Хроники Тёмного Сеула)

Говорят, от удушающего одиночества можно сойти с ума. Но что делать, если твое безумие начинает повторять удары чужого сердца? Кан Доджин — угрюмый автомеханик из Мапхо. Син Хаын — замкнутая скрипачка, бегущая от продюсера. Они не знакомы, но Слепой шаман Мухёк выбрал их своими жертвами. Из-за одинаковой частоты их выжженных душ проклятие Тонъён выдает сбой: их линии жизни стягиваются внутри тел в один созависимый Мёртвый узел. Доджин слышит скрипку в грохоте моторов, а Хаын задыхается от чужого пульса под ливнем. Шаман повсюду: он меняет внешность, приходя в бокс под видом старых клиентов и садясь в залы под личиной близких людей. От него пахнет полынью и мокрым пеплом. В три часа ночи проклятая алая петля прорывается сквозь кожу. На дороге их ждет серое такси Чону — единственного выжившего друга погибших Хёну и Соры. Чтобы выжить, им придется вернуться в подвал к шаману и решить: кто должен погибнуть, чтобы узел распутался?

© Мун А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Анастасия Мун

Нити Тонъёнр

Пролог

Каждый вдох напоминал о том, как холодный бетон декабрьского дождя забивает лёгкие.

Син Хаын бежит — ноги её как будто вовсе не имелись на ногах, подошва туфель то и дело проскальзывала по обломкам бетонных плиток переулков Мапхо. Из лаковой обуви у входа в закрытый бар (откуда вышла совершенно из себя) бег дальше. Шёлковое платье пропиталось влагой — тяжёлое теперь было, словно чёрный гробовый плащ. Пепельные пряди волос налипали на лицо - замерзли. Левая рука так крепко держала палитру скрипки, что косточки пальцев посинели.

Её лицо было искажено диким ужасом. Правая рука, державшая смычок, судорожно трепетала, полностью онемев. Трое часов назад в пустом зале кабака, в три часа ночи, всё замерло, и дедовская скрипка сама заиграла, проливая безумную мелодию Тонъён. И вдруг из дерева вырвалась яркая нить крови, пронизывая кожу её запястья.

Внезапно она оказалась на освещенной неоном проезжей части промзоны. Из плотного потока багрового дождя с ревом тормозов вырвалось серое такси, замедлившись в метре от её голых ног. Дверь багажника открылась, и изнутри протянулась рука мужчины в грязном комбинезоне автомеханика, покрытом мазутом.

— Спрыгивай! Быстро! — крикнул Кан Доджин и рванул её внутрь.

В ту же секунду красная веревка у неё на запястье дернулась, и Доджин сразу затрясся как струна. От жуткой боли выгнулся под ребра — издал глухой стон. Узел вошел в кожу так глубоко - они были связаны между собой этим проклятым узлом пульса.

За рулем сидел мрачный водитель-такси Чон, курящий. Пустой взгляд его глаз был направлен на зеркальце заднего вида; он пристально посмотрел на свои скрещенные руки, выкинул из окна сигарету и со свистом втянул педаль акселератора - они полетели во тьму небытия. Новая секретная миссия превратилась в фатальный побег.

Глава 1

За три недели до ночи в кабаке

Зимний Сеул умеет заживо консервировать одиночество. В декабре город накрывает липкая, влажная мгла, которая намертво въедается в бетонные стены промзон округа Мапхо и заставляет редких прохожих испуганно прятать лица в воротники длинных чёрных пальто.

Время близилось к полуночи. Ледяной декабрьский ливень с оглушительным грохотом бился о жестяную крышу круглосуточного автосервиса, превращая мир за пределами бокса в размытое водяное марево. Внутри огромного полутемного помещения пахло каленым железом, едким бензином и застоявшимся техническим мазутом. На одном из подъемников висело серое сеульское такси, лениво испуская густые клубы белого пара.

Кан Доджин стоял под брюхом машины, по локоть испачкав руки в черном отработанном масле. Ему было двадцать четыре, но его широкие плечи и сбитые в кровь казанки на пальцах выдавали человека, который слишком рано разучился просить о помощи. Он методично, с ожесточенным упорством затягивал болты на карданном валу, пытаясь привычным механическим трудом заглушить тонкий, ультразвуковой звон в ушах. Этот тиннитус планомерно выжигал его разум последние полгода, усиливаясь в моменты, когда тишина вокруг становилась слишком плотной.

Чтобы не сойти от этого звона с ума, Доджин никогда не выключал старый, подвешенный на кронштейне у стены телевизор. Сейчас экран блекло гудел, бросая серые блики на промасленный бетонный пол.

У соседнего верстака, опершись спиной о крыло машины, медленно курил таксист Чону. Он выпускал густой сизый дым дешевых сигарет, уставившись пустым, леденящим взглядом в одну точку на стене. На его шее, прямо под застиранным воротником куртки, тускло поблескивал старый армейский жетон. Чону молчал уже больше двух часов. Доджин привык к его глухому, гранитному безмолвию — они оба были сотканы из одного и того же материала, из абсолютного, выжженного одиночества.

Тишину бокса прервал резкий скрип тормозов. В открытые ворота, обдавая помещение волной озонового холода и сырости, въехал старый потрепанный фургончик. Из него, тяжело дыша, вышел менеджер ночной кофейни. Его лицо было бледным, искаженным от грубого, запрятанного страха, а пальцы рефлекторно сжимали дешёвый пластиковый стаканчик с остывшим кофе.

— Доджин... глянь генератор, — хрипло, сорванным голосом произнес менеджер, даже не пытаясь отряхнуть промокшую куртку. — Свистит на полную мощность. До утра не дотяну.

Доджин лишь молча кивнул, вытирая руки грязной ветошью. Он подошел к фургону, но стоило ему потянуться к замку капота, как его тиннитус в ушах внезапно изменил характер. Звон не просто усилился — среди монотонного белого шума в его черепе отчетливо, колючей вспышкой прорезался чужеродный звук. Короткий, рваный плач скрипичного смычка. Будто кто-то прямо внутри его головы настраивал инструмент, натягивая стальные струны до предела.

Доджин замер, его рука с гаечным ключом застыла в воздухе, а шрам от химического ожога на правой щеке багрово налился кровью от резкого скачка пульса.

— Ты это слышал? — тихо, с сухим мужским металлом в голосе спросил Доджин, обращаясь к Чону. — Скрипка. Кто, блядь, играет на скрипке в промзоне посреди шторма?

Чону даже не шевельнулся. Он медленно затаился, и его серые глаза под капюшоном остались абсолютно мертвыми.

— Здесь только дождь и твой карбюратор, Доджин, — глухо бросил он, выпуская дым. — Кончай ловить системные ошибки. Перерабатываешь.

В эту самую микросекунду экстренный выпуск новостей на стене прервал блеклое гудение телевизора. Звук резко задрался вверх, заполняя удушливую тишину автосервиса сухим, стерильным голосом диктора:

«Срочное сообщение окружной прокуратуры Мапхо. Сегодня в три часа ночи была поставлена окончательная точка в деле о резонансном убийстве криминального кредитора Минхо. Двое подозреваемых, совершивших дерзкий побег во время этапирования — бывший складской рабочий Кан Хёну и бариста Юн Сора, — совершили синхронный прыжок с кирпичной крыши госивона. Оба тела обнаружены на асфальте с признаками смертельного падения...»

На экране замелькали ломаные кадры помех: оцепленный полицией темный двор в Мапхо, лицо старшего следователя Пака, дающего резкие указания криминалистам, и тяжелая, багровая лужа, которую лениво смывал под проливным ливнем Сеул.

Пластиковый стаканчик в руках менеджера кофейни с треском лопнул. Горячая жидкость хлынула по его пальцам, но он даже не вздрогнул. Он смотрел на экран дикими, расширенными зрачками, его челюсть судорожно дернулась, а из глаз новой волной покатались слезы.

— Сора... — шепотом, захлебываясь от бессильной обиды, проговорил менеджер, падая коленями прямо на промасленный линолеум у верстака. — Господи, Юн Сора... Так вот почему ты не вышла в смену. Какое чудовище сотворило это с тобой...

Чону медленно опустил руку с сигаретой. Его пальцы, испачканные в мазуте, мелко, судорожно задрожали. Он потянулся к карману куртки, где глубоко под обшивкой лежал старый, поцарапанный полароидный снимок со смазанными контурами человеческих тел, и его мертвый взгляд впился в экран телевизора. Счетчик времени их старого алиби официально обнулится.

Доджин смотрел на плачущего менеджера и грязные кадры хроники, чувствуя, как внутри его грудной клетки, прямо под ребрами, каменной плитой застывает тяжелая, вязкая тошнота. Звон в его ушах стал невыносимым, превращаясь в плотный, ледяной цемент.

В эту секунду в трех километрах от автосервиса, в полуподвальном, пропахшем перегаром кабаке Син Хаын натянула глубокий капюшон на свои кислотно-пепельные волосы. Она судорожно стянула правое запястье широким черным напульсником, пытаясь унять нарастающий тремор, и взяла в руки смычок. Приближался час, когда проклятие Тоньён завяжет на их телах первый узел, и пути назад для их общего капкана больше не существовало.

Глава 2

За три недели до ночи в кабаке

Автосервис Кан Доджина горел огнем расплавленного металла, а бар в подвале порта Мопхо – дешевым виски, дымкой реки и табачным дымом. В нем собирались те, кому Изнанка Сеула больше ничего не говорила – рабочие портов, мелкий контрабанда и наемники местной бандитской группировки искали здесь приют.

На узком деревянном подиуме, над которым нависала желто-зеленого оттенка вывеска «НЕОН», в свете тусклого фиолетового неона сидела Син Ха. Ей всего 30 лет (21 прожитый), фигура её напоминала струну и от неё исходила сильная усталость. Кисло пепельно рыжие волосы с черными прядями по корням висели на лице, темные, острые глаза быстро оглядывали зал с людьми.

Её правая рука, привыкшая к музыке, мелко подрагивала, словно охваченная судорогой. Хаын с силой стянула правое запястье широким черным кожаным напульсником, пытаясь скрыть дрожь перед пьяными зрителями. На шее, под челюстью, ярко выделялась алая мозоль от подбородника скрипки — она никогда не заживала. Пальцы левой руки были так сильно стертые о холодную сталь, что кровоточили.

Взяла инструмент за руку, прижала к шее и одним рывком смычком заставила звучать струны.

Из-под ее рук бежала беспорядочная, хулиганская неоклассика с примесью фальшивых диссонансов. Хаын играла так, как будто борется с кем-то неназванным. Под её пальцами канифоль лезла, заставляя скрипку конца 19 века, словно живое существо, выплевывать звуковые потоки в затхлом полусвете. Однако пьяные люди довольны. Этот грязный сумасшедший гений для них самое лучшее шоу города. Кричат, ломают стаканы с пивом на скользких столах и бросают ей на обнаженные ноги деньги.

Хаын ничего не слышала от них. Ее слух был гиперчувствителен к звукам, но те передавались ей совсем другие – чужие звуки. В самом центре ее головы за шумом кабака она ощущала ровный, тяжелый пульс чужой жизни, который бился прямо внутри черепа. Мозг Хаын ломается – ей кажется, будто скрипка пахнет не канифолью, а техническим маслом, дымом и бензином. Пульс незнакомца колотился в висках – сто пятьдесят ударов за одну минуту. Он жёг ей кислород до последнего вдоха.

В самом высоком, звонком голосе она остановила игру. В дрожащей руке скрипки замолк звук.

Без предупреждения — будто кто-то спускает курок у старого фотоаппарата — во время обеда в кабаке повисает абсолютная тишина. Пьяные ругательства грузчиков, звон тарелок, шум вентиляции резко обрываются, помещение наполняется густым жарким воздухом, напоминающим затвердевший бетон.

С подмостков Хаын опустила глаза, как бы невзначай.

В самой тёмной части зала, за крайним столом у самого выхода – деде. Тот самый жестокосердный скрипач, что годами заглушал ей волю в пустой квартире. Лежал он неподвижно, костлявые руки скрещены на старой трости — вот им и набалдашник. Но когда ядовитый фиолетовый неон пробежал по его лицу — Хаын замерла от ужаса. Глаза его замёрзли белым глянцево-мертвым бельмом.

В нос Хаын ударило сочетание запаха горькой полыни, ладана к обряду и мокрого золы.

С трудом, с хрустом в суставах, мертвец поднял руку. Из-под его потертого рукава на белую скатерть выскользнула тонкая, красная шелковая нить, словно живая. Его слепые глаза фиксировались на Хаын, и шепот прозвучал прямо в ее сознании:

— Ты лжешь, Хаын. Твоя правая рука неестественно трясется. Тонъён уже переплела твою жизнь с тем, кто контролирует Мапхо. Твои судьбы теперь неразрывно связаны.

Хаын выкрикнула, и из её затемнявших пальцев смычок с треском полетел на деревянную сцену. Она зажмурилась, в отчаянии вдыхая воздух, и лишь открыв глаза, увидела, как Система кабака вновь оживилась оглушительным ревом. За столом вдали сидел обычный матрос, слегка опьяненный, и с недоумением смотрел на происходящее на сцене.

— Эй, Син, почему ты стоишь как вкопанная?! Продолжай, нам нравится твой безумный стиль! — из темноты гримерки выглянула его лицо, покрытое жиром, опасного продюсера-сутенера. Он с довольным видом трогал руки, считая деньги. — Твои капризы сегодня обходятся недешево. Скорейше!

Хаын рухнула на колени, с трепетом укладывая инструмент в футляр. Правая её кисть, укрытая кожаным напульсником, неистово двигалась. На смычке скрипки, плотно обмотанной тонкой, светящейся алой нитью, была запущена программа её отмирания. У неё оставалось менее трех недель до бегства по ледяному дождю босиком.

Глава 3

За две недели до ночи в кабаке

Если бы реальный мир можно было заклеить изолентой - он давно бы залатал все дыры. Но Кан Доджин уже знал лучше – каждый новый удар гаечным ключом только подтверждал это. Три дня прошло с тех пор как на телевидении показывали останки разрушенных Сора и Хёна, а в голове звучал пронзительный вой скрипки. Он пробивал монолитный шум от пневматики своими мыслями о том, что внутри него поселилась чужеродная сила.

Полночь уже давно миновала. В боксе автосервиса Мапхо стало как-то странно жарко — хотя за порогом всё ещё ревел холодный ветер и плевал на стекла снежными комьями. Доджин работал у верстака. Он аккуратно разбирает карбюратор старого грузовика. Руки его были опытные - они знают этот металл. Но вдруг остановились руки.

Внутри стальной коробки передач, намотанная на ведущую шестерню, тускло поблёскивала тонкая живая алая нить.

Доджин замер, вглядываясь в мазутную жижу. Он протянул руку, подцепил нить ногтем и с силой потянул на себя. Шёлк с тихим сухим скрежетом оборвался, но стоило Доджину разжать пальцы, как его правое запястье прошибло острой, калёной болью, словно кожу прижгли сигаретой. Под эпидермисом, прямо над пульсом, багрово налилась и запульсировала лишняя, чужеродная жилка. Она билась в такт рваной, сумасшедшей мелодии, которую он прямо сейчас слышал внутри своей черепной коробки.

— Чёртов шёлк.. — гортанно, с металлическим скрежетом пробасил Доджин и плюхнул пропитанный кровью тряпичный комок под ноги. — Почему этот мусор так часто встречается в двигателях?!

В этот момент тяжёлая железная дверь бокса со скрипом приоткрылась, впуская порцию уличной сырости. В полумрак автосервиса вошёл мужчина в глухом чёрном пальто. Доджин мгновенно подобрался, его взгляд стал хищным и настороженным. Это был Ким, портовый ростовщик и коллектор, которому Доджин каждые две недели отдавал львиную долю заработка, закрывая бесконечные долги своего сбежавшего отца.

Ким шел медленно, тяжелые сапоги стучали ритмично о пол из бетона. На лице была обычная бледность и цинизм, в руках беззаботно крутилась хорошая зажигалка.

— Принёс? — лакоротко спросил коллектор у подъезда. Голос его был похож на старую табачную пыль с ветром улицы..

Доджин без слова ткнул в карман своего комбеза, вытащил толстый жирный конверт с деньгами и передал его парню. Ким принял конверт, а потом вдруг остановился. Вся его грубая фигура на миг как бы дернулась не совсем естественно – будто кадры на плёнке подвинулись.

Воздух в боксе застыл как лед. Вонь отжаренного масла с бензином тут же выветрилась на все сто, её сменила едкая волна горькой полыни, благовоний для обрядов и сырой пепел.

Доджин сделал шаг назад, хватаясь рукой за край верстака. Ким медленно поднял голову. Его лицо оставалось прежним, но глаза полностью затянулись мёртвой белёсой пеленой бельма. Он смотрел на Доджина в упор, не мигая, а из-под дорогих манжет его чёрного пальто прямо на бетон выползали живые алые нити Тонъён.

Слепой шаман Мухёк, вшив себе маску сборщика денег, положил ладонь на пропитанный маслом костный шпиль правой руки Доджина — прижаты к коже злополучное образование.

— Узел мёртвый, Доджин, — сказал шаман низким, как будто из металла лязгающим голосом. — Ты фальшивишь с твоей скрипачкой. У тебя сейчас нет собственного пульса. Оба вы попадёте ко мне в подвал после того как петля отнимет у вас последний вдох.

Доджин взревел, его рацию сорвало все предохранители контроля. Он вслепую схватил с верстака тяжёлую стальную монтировку и с дикой силой замахнулся, целясь прямо в слепое лицо твари.

Удар пришёлся по воздуху.

Доджин подергивал веками, дышал с трудом и уронил монтировку. Сбоку стоял растерянный, побледневший до белки коллектор Ким — он боязливо отпрыгнул к дверному проему, вцепился конвертом в грудь. Бельма в его взгляде отсутствовало напрочь — был лишь животный ужас от безумного механика.

— Ты совсем сторчался со своими ночными сменами, парень?! — заорал Ким, судорожно хватаясь за ручку двери. — Свихнулся, как те двое с крыши госивона! Ещё раз дёрнешься — мои ребята закопают тебя в портовых доках!

Он выбежал на коридор, грубо затворив за собой металлическую дверь. Рваный бег его ног ещё продолжал гулять по переулку Мапхо, но вскоре затих вместе со звуками бури.

Доджин остался стоять посреди бокса в абсолютном, звенящем одиночестве. Его правая рука под комбинезоном мелко, судорожно тряслась, а тиннитус в ушах выводил фальшивую, сводящую с ума мелодию Тонъён. Система его угасания замкнула кольцо. В трёх километрах от него Син Хаын в своей пустой квартире деда как раз вытаскивала из смычка точно такую же алую шёлковую нить.

Глава 4

За две недели до ночи в кабаке

Если ты бежишь от мертвецов, глупо прятаться среди живых, которые пахнут ничуть не лучше. Син Хаын сидела в тесной, душной гримёрке полуподвального кабака Мапхо, прижавшись спиной к холодному бетону стены. Единственное окно под самым потолком, выходящее узкой грязной щелью в глухой дождевой переулок, лениво впускало в комнату липкую изморозь и густые выхлопы проезжающих грузовиков.

В гримёрке воняло дешевым тальком, распитым алкоголем и затхлой мятой — этот запах был с ней всегда, когда ее неуправляемый продюсер Пэк терял контроль над собой.

Пэк был заперт прямо у входа — закрыл аналоговый затвор до упора. В дорогом сером сукноватом пиджаке он выглядел идеально опрятным, но венам на руках, где крепко зажаты кожаная папка контрактов, налило багровым цветом. Рацио контроля — то есть та самая способность разбирать человеческие судьбы для денег — начала его подводить. Смотреть на Хаын через густой столб табачного дыма он мог лишь со спокойным звериным желанием.

— Ты крадешь мою вторую ночь в месяц, Синьор. Голос его был холоден до костей — тот самый сухой металл, который делал живот Хаын так неприятно твердым. «Портовые бандиты с низовых уровней не платят тебе за то, что ты им показываешь своё бледное лицо». Он ей нужна была безумие твоей игры. Грязная сцена твоего гениального безумия. И вот ты тут сидишь и запираешься на все доступные замки. Трясешься как выдернутый из шкафа.

Хаын молчала. Она сидела прямо на полу, поджав ноги под подбородок и намертво вцепившись пальцами в ручку футляра скрипки деда. Её правое запястье, надёжно стянутое широким чёрным кожаным напульсником, крупно, судорожно подрагивало. Из-под кожи, пробивая эпидермис, багровый след проклятого шрама Тоньён горел невыносимым, калёным огнём.

Но ужаснейшее было — внутри головы. Ее слуховая сверхчувствительность уже не слышала шума барака. В этот момент в голове ее безжалостно, как рыба ударяется о лед, стучит тупым ритмом чужеродное сердце. Пульс другого человека заполняет всё пространство в ней, отнимает кислород. И одновременно с этим ритмом в нос проникает резкий, тяжелый запах масла машинки, дыма и раскаленного металла. Пахнет Кандо Джингом, кого она до сих пор не видела лицом.

— У меня... правая рука не держит смычок, — прошептала Хаын, вытирая сухим песком гортань, и не подняла взгляда. — Двойной звук. Чувствую работу двигателя за сценой. Дизельный мотор. Глушит все вокруг.

Пэк брезгливо хмыкнул, сделал шаг вперед и с силой швырнул папку на низкий журнальный столик, заставив дешёвые пластиковые стаканчики с остатками раёна жалобно звякнуть.

— Мне всё равно, какие мысли крутятся в твоей башке, Хаын. Он резко приблизился к ней, его запах ментола палит её бледную кожу лица. — Твой дед оставил тебе одни долги да эту старую гнильцу в футляре. А если ты сегодня не выступишь и не отыграешь свой номер — то все пацаны будут стерты с лица земли по городу. Ты станешь одним из этих серых пылинок на досках. Иди!

Он схватил ее за плечо — хотел силой приподнять с пола.

Дальше всё случилось одновременно — чересчур стремительно и жутко медленно, будто у Программы здания был критический дефицит кадров.

Силуэт весь продюсера Пэка на мгновение дернулся — нереально, будто ломая стены своей геометрией. Размылся серым пятном аналоговых шумов. В воздухе гримерки тут же посвербил холодный цемент. Мента исчезла напрочь. На её место влезала резкая тяжелая полынь с ритуальными благовониями и мокрым пеплом.

Хаын застыла, её веки больше не моргали, а слизистая глаз загорелась от абсолютной сухости. Она смотрела вверх. Лицо Пэка вытянулось, кожа натянулась на череп как бледный пергамент, а его глаза полностью затянулись мёртвой белёсой пеленой бельма.

Слепой шаман Мухёк, переплавив внешность продюсера под свой Высший Код, медленно опустил руку под манжет серого пиджака. Прямо из его пальцев, извиваясь как голодные змеи, на промокший шёлк платья Хаын поползли живые алые нити Тонъён. Они тянулись к её напульснику, вибрируя на ультразвуковой частоте.

— Ты слишком громко воет на воздух, Хаын, — шепнул шаман; тонкий звук отозвался глухим уколом в ребра. — Залог твой уже зачислен в Мапхо. Парню с автопомывки крутит ключи, он задыхается от твоего рыданий, ты же задыхаешься от его мазута. Мы вместе – Мой Мертвый Узел. Еще раз повредишь свой график – затяну петлю до ноль по всем твоим Сигналам.

Шаман поднял костяную иглу – вот-вот она врежется ей в открытую шею, там где багрово горит мозоль от скрипки.

Хаын захлебнулась криком, отскочила назад и мощно врезала футляром наотмашь — вывела удар из орбиты.

Звук трескающегося пластика вывел ее из оцепенения.

Она стояла в центре гримерки и крепко держала за себя скрипку. Впереди от страха забился угол двери — бледный, задыхающийся продюсер Пэк. Бельма на нём не было вообще никакой – просто зверский ужас от сумасшедшей девчонки, которая чуть-чуть не засовывала ему ногу под шею своим футляром.

— Психопатка... — хрипло, сорвавшись на нервный хрип, выплюнул Пэк, судорожно хватаясь за замок двери. — Клинический психоз. Ты измотана до смерти, Син. Сама себя на дно затягиваешь. Посиди под замком, пока мозг не остынет.

Он выскочил в коридор, резко захлопнул за собой дверь и отмыкнул ключом снаружи. Бегство его ног по каблукам еще долго эхом откликалось в бетонном подвале коммуналки ада, до полного затухания в шумной толпе порта Сеул.

Хаын осталась одна в запертой ментоловой клетке. Воздух в комнате был горячим и липким. На подоконнике её увядающий домашний цветок в пластиковом горшке внезапно раскрыл первый тяжёлый, налитый ядом фиолетовый бутон, источая приторный аромат болотной гнили. Биология комнаты перестраивалась под будущий грех. До её финального шага босиком под ледяной дождь оставалось ровно две недели.

Глава 5

За 10 дней до ночи в таверне.

Если система твоего разума начала выдавать системные ошибки, бесполезно чинить зажигание — искры всё равно будут лететь в пустые баки. Кан Доджин сидел на низком пластиковом ящике из-под машинного масла прямо посреди затихшего бокса. Время перевалило за четыре часа утра. Окружная промзона Мапхо за окнами полностью утонула в грязном, маслянистом тумане, сквозь который блёкло и ядовито прорывался фиолетовый неон круглосуточных вывесок.

На стене висел телевизор — новостей про смерть Соры и Хёну уже не было, а только белый шум без звука. На экранах отражались серые полосы помех на тяжелых армейских ботинках.

Доджин медленно поднял правую ладонь. Пальцы до самого локтя были залиты жирным черным маслом — они дрожали грубо и неконтролируемо. Дрожь была ничтожеской перед тем, что творилось внутри кожи. Алая нить Тоньёна, (которая три дня тому назад попыталась протиснуться сквозь шестеренки карбюратора, уже прочно укоренилась в теле человека. На запястье, над пульсом, выросла плотная багровая шишка, как будто перетянутая мертвой петлей. И эта чужая пульсация стучала в сто сорок ударов за минуту.

Его биологический таймер тикал в сумасшедшем темпе, хотя сам Доджин не сделал ни единого шага. Его удушье было чужим. Оно рождалось за три километра отсюда, в запертой гримёрке портового кабака, где Син Хаын судорожно хватала ртом воздух после встречи с Тени.

— Ломает... — сипло, со скрипом в зубах выдавил Доджин в звенящую пустоту бокса, до боли сжимая казанки пальцев. — Как будто под рёбра жидкого свинца налили.

Тяжелые ворота автосервиса скрипнули и приоткрылись — внутрь осторожно заехал серый Сеул такси Чону. Белый дым от выхлопа тянулся из трубы, где-то воняло дешевым бензином с примесью гари. Чону медленно шагал по асфальту, голова у него была укрыта глубоким капюшоном влажной куртки — шел прямо на Доджина. Пластиковая зажигалка под пальцами блеснула неярким светом; логотип давно стерся до неузнаваемости — она же оставалась у Хёна на столе ночного кафе.

Чону остановился в двух шагах, молча протянул Доджину сигарету и чиркнул кремнем. Искра на секунду выхватила из темноты бледное лицо автомеханика и отекавший, синеющий шрам от химического ожога на его щеке.

Чону долго и пристально всматривался в его расширенные, как блюдца, зрачки. Его собственный мёртвый, леденящий взгляд скользнул по его трясущимся промасленным ладоням и замер на багровом рубце у запястья. Чону хмуро затянулся, выпуская струю едкого табачного дыма в узкую оконную щель.

— Ты не спишь четвёртую ночь кряду, Доджин, — глухо со своим неизменным гранитным спокойствием произнёс таксист. — Твои линии рук двоятся, когда ты берёшь ключ. Я видел такое три недели назад у Хёну на складах. Он тоже замирал у мотоцикла, курил пачку за пачкой и орал, что в будке охраны пахнет болотом и старым коллектором. А через неделю они с Сорой прыгнули с крыши прокуратуры.

Доджин оторвал руку от хватки, спрятал запястье под грязный рукав полукомбинезона.

— Хёну был психопатом, Чону, — хрипло отрезал он, вытирая ледяной пот со лба ветошью. — Его раненое прошлое сорвало ему предохранители. А у меня просто тиннитус. Обычный звон в ушах от постоянного стука моторов.

— Это не тиннитус, — Чону сделал шаг ближе, и его голос пахнул калёным железом и сыростью. — В Мапхо завёлся подлог. Старший следователь Пак уже третий день поднимает

логи и выписывает ордера по портовым докам. Находят трупы молодых ребят — абсолютно пустые оболочки, без единой капли крови, высушенные до состояния серого праха. И криминалисты говорят, что на их телах нет никаких следов игл. Только тонкие багровые полосы на запястьях. Точно такие же, как у тебя под мазутом.

Доджин замер. Ультразвуковая вибрация в голове тут же трансформировалась во вполне материальный звук — скрипичный фальшивый аккорд. Внутренний инструмент истошно визжал, от чего Доджину невольно пошли слезы по лицу: они стекали чистыми струями сквозь грязь. Температура воздуха в клетке за секунду упала до нуля и замёрзла в виде плотного льда. Аромат бензина выветрился, зато обоих мужчин обдало едкой волной аромата горькой полыни с добавлением благовоний для ритуалов и влажным пеплом.

Чону мгновенно загорелся, взгляд его стал зверским и дикий. Чону судорожно засунул руку под обшивку куртки — там хранился старый разбитый полароидный снимок Хёну.

— Он рядом... — прошептал водитель, сканируя пустоту бокса через туманные полосы аналогового шума. — Бездумный ублюдок из подполья Тонъён наводил на тебя график движения. Обжарит твой разум, Доджин, точно как Хёна. Возьми свое барахло и коробку с картами. Здесь, в районе Мапхо, тебе делать нечего.

Доджин не слышал его. Он тупо разглядывал подоконник автосервиса. Там, в сколотом пластиковом стакане, куда он неделю назад бросил огрызок засыхающего комнатного цветка, растение внезапно пошло в критический рост. Его стебли налились жидкими, не природными тёмно-зелёными соками, раздвигая колючие листья прямо навстречу матовому стеклу. Из сухой земли исходил затхлый, приторный аромат болотной гнили. Биология здания перестраивалась Системой под их общий мёртвый узел.

Глава 6

За восемь дней до ночи в кабаке

Если Система твоего угасания запустила обратный отсчёт, любая попытка сыграть по старым правилам превращается в фарс. Син Хаын стояла за кулисами портового кабака, чувствуя, как ледяной пот Синбёна — лихорадки духов — медленно стекает по её позвоночнику. Её ноги у щиколоток отекали так сильно, что втиснуть их в лакированные концертные туфли было физической пыткой. Продюсер Пэк, вернувший себе свой стерильный ментоловый контроль после её психоза в гримёрке, просто вышвырнул обувь в мусорный бак.

— Выходи так, Син, — процедил он сквозь зубы, поправляя воротник её промокшего вечернего платья. — Нашим гостям из доков даже больше понравится образ юродивой. Это повышает чеки. Лишь бы руки выдавали этот твой грязный, рваный ритм.

Хаын шагнула на сцену босиком. Грязные, липкие деревянные доски обжёг подошвы озоновым холодом. Фиолетовый ядовитый неон от круглосуточной вывески из переулка резал полумрак зала неравномерными полосами. За столиками гудел привычный портовый муравейник: матросы, контрабандисты и портовые рабочие стучали кружками, полностью игнорируя ливень за матовыми стёклами витрин.

Она вскинула скрипку, прижала мозоль на шее к холодному дереву и заиграла.

Смычок летал по струнам со скоростью ломаных линий аналоговых помех. Пальцы левой руки сдирались о сталь, канифоль летела белой пылью, а правая кисть под широким кожным напульсником ходила ходуном от непрекращающегося тремора. Музыка была фальшивой, уродливой и сводящей с ума. Но посреди этого акустического ада её уши внезапно зафиксировали чужеродный Сигнал.

Входная дубовая дверь кабака открылась беззвучно, впуслав порцию уличной сырости. В зал вошли двое мужчин в длинных тяжёлых чёрных пальто, промокших от непрекращающегося шторма.

Старший следователь Пак Чон Мин шёл неторопливо, препарируя пространство бокса своим сухим, въевшимся взглядом силовика. Из-за его спины выглядывал молодой оперативник с тяжёлым чемоданом криминалистов в руках. Они не смотрели на сцену. Они подошли прямо к барной стойке, и Пак, лениво достав из кармана помятый блокнот, предъявил удостоверение прокуратуры ошалевшему бармену.

Хаын продолжала вести смычок, но её пульс совершил тяжёлый, болезненный кувырок. Она отчетливо слышала, как сквозь рваные звуки её неоклассики следователь Пак сухим металлическим тембром задаёт вопросы:

— Нам нужны логи посещений за последний месяц, Паксу-ши. Мы ищем ориентировки на молодых людей, которые уходили отсюда в состоянии полной ментальной деградации. Эксперты покрыли доки люминолом — вся портовая ветка светится от скрытых следов крови. Кредитор Минхо перед исчезновением крутился здесь. И его оперативники искали угрюмого парня со шрамом на брови из автосервиса Мапхо.

Доджин. Кан Доджин. Хаын ещё не знала этого имени в лицо, но в ту же микросекунду её правое запястье под напульсником прошибло дикой, обжигающей вспышкой боли. Под кожей, прямо над пульсом, проклятый нарост завязался удушающим узлом, и внутри её грудной клетки мгновенно застыл ледяной цемент, вытесняя воздух из лёгких. Натяжение невидимой петли Тонъён сработало за три километра отсюда: Доджин в этот самый миг в своём автосервисе выронил из рук гаечный ключ, задышав от её фальшивой ноты.

Хаын обернулась к залу, пытаясь удержать равновесие на босых ногах. Воздух в кабаке потерял тепло и затвердел. Запах алкоголя и табака исчез. Всё пространство вокруг насквозь пробила плотная, удушливая волна горькой полыни, ритуальных благовоний и мокрого пепла.

Прямо за столиком перед следователем Паком, который беззвучно застыл в статичном кадре Системы, сидел Мухёк. Шаман принял личину одного из портовых рабочих, но его глаза были полностью затянуты мёртвой белёсой пеленой бельма. Он сидел неподвижно, широко и зловеще улыбаясь Хаын слепым лицом, а из-под его замасленных рукавов прямо на грязные доски пола выползали живые алые нити Тонъён, вибрируя на частоте её страха.

— Высший Код прокуратуры уже отслеживает ваше расписание, Хаын, — прошептал шаман, и этот шёпот взорвался давлением внутри её черепа. — Пак ищет твоего механика. Но люминол не найдёт наш Мёртвый узел. Играй, Син. Твой таймер тикает назад.

Хаын захлебнулась хрипом, её пальцы онемели, и скрипка деда едва не выпала из её рук. Когда она судорожно моргнула, Система кабака вернула звук. Следователь Пак Чон Мин забирал у бармена распечатанные логи, а на месте шамана сидел обычный пьяный матрос, орущий в такт шторму.

До её финального побега босиком из этого проклятого зала под ледяной ливень Сеула оставалось ровно восемь суток.

Глава 7

За семь дней до ночи в кабаке

Когда закон пытается препарировать Изнанку Сеула при помощи протоколов обыска и банок с люминолом, он всегда опаздывает на несколько Сигналов. Кан Доджин понял это, когда в пять часов утра ворота его затихшего автосервиса вылетели внутрь с сухим металлическим хрустом аналоговых затворов.

В промасленный полумрак бокса вместе с ледяной изморозью ворвались трое оперативников в тяжёлых чёрных пальто прокуратуры. Следом, тяжело стуча подошвами по мокрому бетону, вошёл старший следователь Пак Чон Мин. Его помятая серая куртка была насквозь пропитана запахом дешёвого вокзального чая, сигаретного дыма и сырости портовой зоны. Лицо Пака казалось вырубленным из серого гранита; под его глазами залегли глубокие тени от хронического недосыпа, а сухой взгляд силовика мгновенно зафиксировал фигуру Доджина у верстака.

— Кан Доджин-ши? — голос Пака в пустом ангаре прозвучал пугающе ровно, с тем самым въевшимся мужским металлом, не допускающим люфтов для диспута. — Из прокуратуры округа Мапхо. У нас есть ордер на осмотр вашего сектора.

Доджин медленно положил тяжёлый стальной ключ на верстак. Металл глухо звякнул, выдав мелкую, лихорадочную дрожь в его казанках пальцев. Его правое запястье под комбинезоном горело калёным огнём: проклятый нарост Тонъён пульсировал так яростно, что Доджину казалось, будто шёлк внутри его вен вот-вот прорвёт эпидермис наружу. Но самым страшным был тиннитус. В его ушах, полностью выжигая белый шум старого телевизора на стене, гремел рваный, захлёбывающийся плач скрипки Син Хаын. Она была в трёх километрах отсюда, в своей запертой ментоловой клетке, но её удушье транслировалось прямо внутрь его черепной коробки.

— Что вы ищете, детектив? — спросил Доджин, сипло выжимая из горла сухой песок. На его щеке шрам от ожога багрово налился кровью.

Пак Чон Мин не ответил. Он лениво прошёлся вдоль верстаков, препарируя взглядом каждую ржавую деталь. Оперативники за его спиной уже открыли тяжёлый чемодан криминалистов. Один из них опустился на колени у подъёмника, где ещё час назад стояло серое такси Чону, и начал методично распылять на линолеум едкий химический состав.

— Мы ищем остатки чужих жизней, Доджин-ши, — тихо произнёс Пак, останавливаясь у разбитого капота грузовика. — Твой отец сбежал из Сеула, оставив бандам Мапхо долгов на миллионы вон. И ровно три дня назад портовый кредитор Минхо, который выбивал эти деньги, бесследно растворился у портовой ветки метро. Его бронированную машину нашли пустой. А криминалисты прокуратуры сейчас покрывают люминолом каждый подвал в этом районе. Знаешь, почему? Потому что Изнанка Мапхо начала выплёвывать «пустые» трупы. Молодые ребята, высушенные до состояния серого праха, без единого следа игл на телах. Только багровые шрамы-петли на запястьях.

Оперативник с распылителем резко замер. Пол у ворот автосервиса под действием химии внезапно выдал критический Сигнал. Грязные доски и бетон покрылись матовым, ядовито-синим свечением люминола, отрисовывая чёткие контуры скрытых следов крови и мазута.

— Старший следователь, здесь чистого люминола на три квадрата, — хмуро бросил криминалист. — Свежий код. Пытались замыть щёлочью.

Пак Чон Мин медленно развернулся к Доджину, и его рука лениво опустилась на кобуру тактического пистолета под курткой.

Дальнейшее произошло одновременно слишком быстро и пугающе медленно, словно Программа здания выдала люфт в кадрах, превращая реальность в грязную багровую сетку помех. Воздух в боксе мгновенно выстыл, затвердев до состояния ледяного цемента. Химическая вонь люминола и чистящего порошка бесследно растворилась. Всё пространство вокруг насквозь пробила плотная, удушливая волна горькой полыни, ритуальных благовоний и мокрого пепла.

Доджин застыл, его веки оцепенели, а глаза загорелись от абсолютной сухости. Он смотрел на следователя Пака. Силуэт детектива дёрнулся, кожа на лице натянулась на кости как серый пергамент, а его глаза полностью затянулись мёртвой белёсой пеленой бельма.

Слепой шаман Мухёк, переплавив внешность силовика под свой Высший Код, медленно сделал полшага вперёд. Из-под его замасленных рукавов прямо в светящиеся синие лужи люминола поползли живые алые нити Тонъён, вибрируя на ультразвуковой частоте.

— Закон бессилен против Мёртвого узла, Доджин, — прошептал шаман, и этот шёпот отозвался острой, колющей вспышкой боли под рёбрами автомеханика. — Пак ищет кровь Минхо, но найдёт лишь ваше общее удушье. Скрипачка в кабаке уже сходит с ума от твоего мазута, а ты тонешь в её фальшивых нотах. Вы оба приползёте в мой подвал, когда петля закроет все люфты для бега.

Шаман замахнулся длинной костяной иглой, целясь прямо в багровый нарост на руке Доджина.

Доджин захлебнулся рваным хрипом, его рацию сорвало все предохранители контроля. Он вслепую рванулся вперёд, сжимая в кулаке стальную монтировку, готовый разmozжить это слепое лицо.

Звук упавшего инструмента вернул его в реальность.

Он стоял посреди бокса, тяжело дыша. Перед ним, судорожно выхватив из кобуры оружие и целясь ему прямо в грудь, стоял бледный следователь Пак Чон Мин. Никакого бельма на его глазах не было — только чистый, профессиональный инстинкт оперативника, готового стрелять на поражение в невменяемого подозреваемого.

— Руки за голову, Кан Доджин! — рявкнул Пак, и его голос сорвался на нервный хрип. — Назад! Ты в клинике психоза, парень. Измотан до смерти, лихорадку несёт три дня подряд. Зафиксировать его!

Оперативники сзади жёстко перехватили плечи Доджина, заламывая его руки за спину. Металл наручников больно врезался в запястье, прямо поверх проклятого шрама Тонъён. Из его глаз от бессилия и удушающего тактильного шока катились слёзы. Система Мапхо наматывала узел. До встречи с босоногой Син Хаын на залитой багровым неоном дороге оставалось ровно семь суток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.